

Сожаление Альфы: Возвращение преданной Луны

Сожаление Альфы: Возвращение преданной Луны

GoddessKM

**Сожаление Альфы: Возвращение
преданной Луны. Книга 2**

«China Literature»

GoddessKM

Сожаление Альфы: Возвращение преданной Луны. Книга 2 /
GoddessKM — «China Literature», — (Сожаление Альфы:
Возвращение преданной Луны)

Содержание

Глава 51: Начало миссии по проникновению	6
Глава 52. Лорд Вампиров	9
Глава 53 Пропавшая Принцесса	12
Глава 54. Маленькая влюблённость	15
Глава 55. Решение Зиона	18
Глава 56: Помогите мне найти её	21
Глава 57: Альфа Зион начинает подозревать	23
Глава 58 План Клэр	26
Глава 59: План Клэр 2	29
Глава 60. Не смей вернуться	32
Глава 61: Расследование Леви	34
Глава 62. Сделано нарочно?	37
Глава 63: Интриги в тени	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сожаление Альфы: Возвращение преданной Луны

Глава 51: Начало миссии по проникновению

Используя свою скорость и густые тени Темного Леса, Зион и его отряд двигались, словно призраки, сокрытые от посторонних глаз. Зион, с его иссиня-черной шерстью, был практически невидим в темноте, что позволило им незамеченными проскользнуть мимо вампиров.

Но задача была далеко не из легких. Зиону приходилось постоянно быть начеку: его острый взгляд следил и за полем боя, и за виднеющейся вдали крепостью, чтобы ни один вампир не заметил их приближения.

Оказавшись на безопасном расстоянии, отряд перевоплотился обратно в людей. Они молча оделись и накинули зачарованные плащи, сотканые с магией сокрытия, которая была создана специально для подавления их присутствия.

Оборотни могли полагаться на обоняние для обнаружения чужаков, но вампиры были другими. Их чувства были жутко обострены, почти как антенны, – способные уловить малейшие звуки, легчайшее колебание энергии.

Зион и его отряд двигались с предельной осторожностью. Каждый вдох был неглубоким, каждый шаг выверенным. Никто не смел издать ни звука. Их выживание – и сама миссия – зависели от абсолютной тишины, пока они не достигнут своей цели.

Активировав плащи, Зион и остальные двинулись быстро – время было против них. Магия, вплетенная в ткань, действовала всего тридцать минут, и ее чары слабели, пока не иссякнут совсем. Не имея ни секунды на промедление, они неслись сквозь лес, а тени льнули к ним, словно вторая кожа.

Они не стали пытаться взобраться на стены крепости с тыла – этот путь тщательно охранялся. Вампиры извлекли уроки из прошлых попыток проникновения и вели неусыпное наблюдение за каждым очевидным входом.

Вместо этого Зион повел их к узкому туннелю – собачьей норе, которую он обнаружил во время предыдущей разведки. Лаз был грубым и маленьким – таким, каким гордый оборотень никогда бы не воспользовался. Для большинства его сородичей ползти по грязи, словно последняя дворняга, было немыслимо. Они предпочитали бросаться в бой сломя голову, а не красться под землей.

Но Зион не был похож на большинство оборотней. Для него стратегия была важнее гордости. Это была лишь еще одна часть плана. Даже когда Шура, его волк, протестующе рычал, ревя, что этот поступок ниже их достоинства, что это постыдно, Зион оставался сосредоточен. Он отбросил шум в голове и пополз вперед, зная, что это единственный путь внутрь.

Вампиры никогда и не думали заделывать эту собачью нору – зачем бы им? Она была маленькой, незначительной и не заслуживала их внимания. Подобно оборотням, они полагали, что никто не будет настолько бесстыдным, чтобы использовать такой унижительный путь. Но именно на это упущение и рассчитывал Зион.

Днем, во время разведки периметра, Зион втайне расширил туннель. Изначально проход был слишком узок для человека его габаритов – он был крупным мужчиной и никак не смог бы пролезть, не застряв. Поэтому он потратил время, чтобы аккуратно его раскопать – ровно настолько, чтобы он и его отряд смогли проползти.

Теперь, когда время действия чар на плаще подходило к концу, он был благодарен себе за предусмотрительность. Это было не эффектно, но эффективно – и в данный момент только это и имело значение.

Проползя по туннелю, они разделились на две группы. Одной, во главе с Бетой Греггом, было поручено добраться до металлических ворот и отпереть их изнутри. Зион же пошел один – у него была другая миссия. Он должен был проникнуть во дворец и выяснить, можно ли еще спасти захваченных оборотней.

Он не зря отправил остальных с Греггом. Если что-то пойдет не так, у них будет больше шансов отбиться от вампиров, действуя как единое целое. Зиону же, напротив, нужно было двигаться быстро и бесшумно, чтобы другие его не замедляли. Хотя несколько попыток проникновения уже провалились, в этот раз в деле участвовал Альфа – и не просто Альфа. Зион был достаточно силен, чтобы в одиночку противостоять пятерым вампирам, не уступая им.

Если дела пойдут плохо, он сможет просто отступить без колебаний и помех. Внутренний дворец был самой опасной зоной – он не мог рисковать там чужими жизнями. И хотя его воины не хотели отпускать его одного, Зион пресек их протесты твердым приказом, используя свою власть Альфы, чтобы заставить их подчиниться.

Пока остальные выполняли свои задачи, Зион обошел дворец, держась в тени, пока не заметил вход в канализацию. Несмотря на название, эта «канализация» больше походила на туннель – два метра в высоту и полтора в ширину, достаточно большой, чтобы человек его роста мог свободно в нем передвигаться. Он не был предназначен для сточных вод. На самом деле, его спроектировали как тайный путь отхода для знати на случай чрезвычайных ситуаций, что и объясняло его размер и расположение.

Зион подозревал о существовании такого прохода. Он изучил достаточно архитектурных текстов, чтобы знать, что в большинстве дворцов есть хотя бы один тайный выход, и чаще всего он вел в канализацию. Он заметил его лишь благодаря слабому отблеску металла за густыми зарослями плюща. Если бы не смутные очертания решетчатых ворот, даже он мог бы его пропустить.

Он осторожно отодвинул растения, открывая вход, и удовлетворенно улыбнулся. Но улыбка быстро сошла с его лица. Тяжелые металлические ворота были заперты. Если он попытается взломать их силой, шум разнесется эхом и может насторожить вампиров поблизости. Челюсти Зиона сжались, пока он взвешивал свой следующий шаг.

У проклятых вампиров был настолько исключительный слух, что, даже находясь на верхнем этаже, они могли бы услышать, как кто-то говорит обычным голосом. Именно поэтому ранее Зион использовал ментальную связь для общения со своим отрядом, а не говорил вслух – они не могли рисковать быть обнаруженными.

Это также было причиной, по которой они перевоплотились в людей на определенном расстоянии, прежде чем начать проникновение. В волчьем обличье их дыхание было громче и отчетливее, и Зион не мог рисковать, что вампиры уловят даже этот едва заметный звук.

Теперь, столкнувшись с этим затруднением, Зион на мгновение зашел в тупик. Он крепко стиснул металлические ворота, взвешивая варианты. Время было не на его стороне – у него оставалось меньше тридцати минут, прежде чем магия плаща иссякнет, и как только это случится, вампиры несомненно почувствуют их присутствие.

Бум! Бум!

Бум!

Сотрясающие землю взрывы с поля боя были настолько мощными, что ударные волны докатились даже до Зиона. Он был ошеломлен – он не ожидал, что у оборотней есть такое разрушительное оружие. И тут его осенила идея. Когда четвертый взрыв сотряс землю, он воспользовался моментом и рванул металлическую дверь на себя изо всех сил.

Откуда он знал, что будет четвертый взрыв? Он не знал. Он рискнул – и на этот раз удача была на его стороне.

В то же время Грег сумел взломать замок на караульном помещении, где находился механизм главных ворот. Вместе со своим отрядом он начал толкать тяжелый поворотный рычаг, используя грубую силу, чтобы открыть металлические ворота.

А кто стоял за взрывами? Никто иной, как сам Альфа Деймон. Поскольку самый молодой Альфа храбро вызвался в одиночку возглавить миссию по проникновению, Деймон не мог

позволить себе подвести юношу. Поэтому он принял решение использовать свои драгоценные взрывчатые вещества, недавно разработанные Дрейвами.

Их приобретение обошлось ему в целое состояние в камнях маны, и, хотя ему было мучительно больно расставаться с таким ценным активом, он все же их использовал. Эта миссия была авантюрой, и Альфа Деймон полностью доверился молодому Альфе. Теперь ему оставалось лишь надеяться, что риск себя оправдает.

Глава 52. Лорд Вампиров

Как только Зион с силой распахнул ворота канализации, с вершины башни эхом разнёсся леденящий кровь вопль. Лорд вампиров, потревоженный ото сна оглушительными взрывами, был в ярости. В ушах у него звенело от отголосков взрывов, и ему казалось, что он вот-вот оглохнет. Даже со своими исключительными чувствами он не мог различить ни действий Зиона, ни движений Грега. Звон задержался лишь на мгновение, но и этого хватило, чтобы дезориентировать его.

Его вопль пронёсся по полю боя, заставив всех замереть на месте. Словно кто-то нажал на кнопку паузы для всего поля боя.

– Наш лорд, он идёт! – с извращённым восторгом воскликнула одна из вампирш. Альфа Деймон сразу понял, что им крышка, и, несмотря на осознание того, что это он спровоцировал лорда вампиров, не смог удержаться от мрачного смеха. Лорд вампиров впервые должен был явиться во плоти. Лорд вампиров всегда считал оборотней не более чем дикими тварями – низшими, грязными псами.

Альфа Деймон прекратил обстрел, осторожно убирая оставшуюся взрывчатку. Она была слишком ценна, чтобы тратить её сейчас впустую. Лучше приберечь её для идеального момента – если кто и мог одолеть лорда вампиров, так это взрыв, достаточно мощный, чтобы полностью его уничтожить. В конце концов, какими бы быстрыми или мощными ни были способности лорда вампиров к исцелению, он ведь не сможет регенерировать, если его разорвёт на куски, не так ли?

И действительно, когда вопль лорда вампиров разнёсся в ночи, в небо взмыла фигура в чёрном плаще. Но то, что они приняли за плащ, оказалось огромными, иссиня-чёрными крыльями лорда. Они расправились, гораздо больше и темнее, чем у любого обычного вампира, полностью окутав его своей зловещей тенью.

Зион воспользовался моментом и рванул к внутренним покоям дворца. Через пять минут бега он оказался в самом сердце лабиринта в канализации.

Эта запутанная сеть была намеренно спроектирована архитектором дворца, чтобы дезориентировать и заманить в ловушку любых незваных гостей. Даже если кому-то и удавалось прорвать внешнюю оборону и проникнуть в канализацию, он никогда бы не добрался до сердца дворца. Лабиринт был смертельной ловушкой, созданной для того, чтобы любой, кто осмелится войти, заблудился и погиб во тьме без единого шанса на спасение. Лишь владелец дворца обладал планом, позволяющим ориентироваться в нём.

Но Зион не дрогнул. Он на мгновение замер, осматриваясь. Его разум лихорадочно работал, просчитывая и выстраивая стратегию. Он был далёк от страха. Напротив, его охватила решимость, а затем, словно вспыхнувшая искра, в его голове начал зарождаться план.

Нюх... нюх...

Его внимание привлёк едва уловимый запах.

Как у оборотня, обоняние и слух Зиона были непревзойдёнными. И хотя у вампиров не было потовых желёз, и они не источали обычных телесных запахов, у них всё равно был свой, особый запах, который ни с чем нельзя было спутать.

В частности, вампиры низкого ранга воняли кровью – едкий запах, который буквально въедался в них. В отличие от оборотней, которые регулярно мылись, вампиры низшего звена редко утруждали себя заботой о чистоте. Их тела были неухоженными и пахли застоявшейся кровью и мочой – смрад был почти удушающим.

С другой стороны, вампиры высокого ранга, с их безупречной ухоженностью, пахли лишь слабыми искусственными духами – зачастую это был единственный признак их более высокого статуса.

Однако сейчас Зиона не интересовали вампиры высокого ранга. Он сосредоточился на запахе крови и сильном запахе засохшей мочи вампиров низшего звена. Это и стало его путеводной нитью в лабиринте.

Даже если он заходил в тупик, ему нужно было всего лишь вернуться назад и найти другое пересечение. Его исключительная память помогала ему отслеживать все изгибы и повороты лабиринта, создавая в его сознании невидимую карту.

Он знал, что когда оборотни захватят дворец, он сможет передать карту командиру, что даст им преимущество в запутанной структуре лабиринта. Зиону потребовалась четверть часа, чтобы найти выход, но это время было потрачено не зря. Путь вперед теперь был свободен.

Зион взбежал по лестнице; его сердце колотилось, когда он достиг тёмного угла наверху. Он отчаянно шарил руками, ища что-нибудь, что могло бы указывать на скрытый пусковой механизм, открывающий дверь.

Его руки скользили по каменной стене, пока справа, чуть выше пояса, он не нащупал выступающий кирпич. Он был около пяти дюймов в длину и слегка возвышался над поверхностью. Зион нажал на него, и с приятным щелчком кирпич вдавил кнопку за собой.

Щёлк...

Скр-р-рииип... скр-р-рииип...

В тишине раздался звук скрежета камня о камень, за которым последовало низкое жужжание вращающихся шестерёнок. Тайная дверь медленно, со скрежетом, начала открываться. Зион зажмурился, когда в помещение хлынул внезапный поток света. Он быстро заморгал, давая глазам привыкнуть к яркости. Когда свет стал мягче, окружающая обстановка прояснилась.

Он стоял за гардеробом – туалетом замка. Не в тронном зале. Не в библиотеке. А в туалете.

Выражение лица Зиона помрачнело. Архитектор этого замка определённо знал толк в проектировании тайных путей отхода. Из всех возможных мест, кто бы мог подумать, что выход будет здесь? Зиона разрывало между смехом и досадой. Он с трудом мог в это поверить.

По крайней мере, в данный момент туалетом никто не пользовался, иначе ситуация была бы невероятно неловкой.

Вампиры вообще писают или какают? Зион не был уверен. Может быть, и да – в конце концов, гниlostный смрад мочи в гардеробе был настолько сильным, что у него щипало в носу. Запах был таким интенсивным, что ему показалось, будто его обоняние онемело. Но кроме этого, он не уловил ничего другого. Никаких других отвратительных запахов. Только резкая, едкая вонь мочи.

Не желая подвергать свой нос дальнейшим мучениям, он быстро выскользнул наружу, но оставался начеку. Он проверил коридор, чтобы убедиться, что поблизости никого нет, и только потом бесшумно выскользнул. Затем он начал подниматься по ближайшей лестнице, по пути заглядывая в комнаты в поисках пленных оборотней.

В конце концов он наткнулся на ещё одну лестницу, ведущую в башню. Что-то в ней пробудило его любопытство. Он знал, что должен двигаться дальше – миссия превыше всего, – но не успел он опомниться, как его ноги уже сами несли его вверх по ступеням.

Он остановился наверху. Дверь башни была не до конца закрыта; она была слегка приоткрыта, словно приглашая заглянуть внутрь. Всё, что нужно было сделать, – это толкнуть её.

Зион колебался.

Ему нужно было уходить. Нельзя было терять ни минуты.

Но как только он повернулся, чтобы уйти, он услышал движение – шаги – с той стороны, откуда только что пришёл.

Зион мог лишь мысленно выругаться, когда звук шагов стал громче: двое вампиров поднимались по лестнице. Не имея времени на раздумья, он тихо толкнул дверь и проскользнул в комнату.

К его огорчению, комната была почти пуста – только кровать и один стул, обращённый к открытому окну. Спрятаться было негде... кроме как за тяжёлыми шторами. Места было мало, но ему удалось втиснуть своё крупное тело в узкое пространство, затаив дыхание.

Глава 53 Пропавшая Принцесса

– Видишь? Я же говорил – здесь никого нет. У тебя просто паранойя, – сказал один из вампиров, входя в комнату и осматриваясь. Его взгляд задержался слишком надолго в одном из углов тускло освещённого помещения, и Зион почувствовал, как напряглись его мышцы. Он видел вампира через небольшую щель в шторе.

К счастью, в замке всегда было темно – вампирам не нужен был свет – и плащ Зиона всё ещё был активен, скрывая его присутствие. В противном случае, он был уверен, его бы уже заметили.

Другой вампир дал своему спутнику подзатыльник. – Даже не думай об этом. Если ты её тронешь, Лорд насадит тебя на кол на глазах у всех.

– Ц! Я просто смотрел, – проворчал первый вампир. – Почему мы не можем присоединиться к веселью снаружи? Скучно охранять это заброшенное место. Нам даже нельзя прикоснуться к этой волчице. Ц. Пошли уже.

С этими словами они развернулись и ушли, и звук их шагов постепенно затих в коридоре.

Когда вампиры наконец повернулись, чтобы уйти, Зион смог лишь предположить, что упоминаемый ими «лорд» был самым лордом вампиров, а «волчица» – та, что была в углу, на которую ранее пялился вампир. Убедившись, что путь свободен, он тихо вздохнул с облегчением.

И тогда он заметил её.

Пара светящихся медовых глаз смотрела на него из тени. Лунный свет просачивался через окно, отбрасывая бледное сияние в дальний угол комнаты – достаточное, чтобы явить то, что там скрывалось. Большая железная клетка.

А в ней – женщина.

Зион замер на полпути к двери, и у него перехватило дыхание.

Вот она – растрёпанная и измученная, но безошибочно узнаваемая. Её некогда золотистые волосы были длинными, спутанными и сальными, они прилипали к бледной коже, но всё равно слабо светились в лунном свете. Её глаза, яркие и медовые, не выглядели так, словно это результат попытки перевоплотиться – он с содроганием осознал, что это её природный цвет глаз. И тут его осенило.

Его тело застыло. В голове гудело, и осознание обрушилось на него, словно волна. «Она – пропавшая Принцесса?.. Она всё это время была здесь?»

Зион подошёл ближе, едва осмеливаясь дышать. И тогда он увидел – её живот, округлившийся из-за детёныша. Очертания были безошибочны. Ещё более леденящим кровь был звук – он слышал слабое, ровное сердцебиение детёныша внутри неё.

«Дерьмо... она беременна?»

Сердце подскочило к горлу. Это всё меняло. Он пришёл, чтобы спасти пленных оборотней, а вместо этого наткнулся на пропавшую королевскую Принцессу, беременную и запертую в клетке. Его мысли путались в попытках осмыслить невозможное.

– В-вы... пропавшая королевская Принцесса? – с запинкой спросил Зион, его голос был едва громче шёпота.

Но женщина перед ним не излучала той силы, о которой он так много слышал – силы свирепейшей воительницы, которой было суждено унаследовать мантию своего отца. Вместо этого она выглядела хрупкой, истощённой. Неужели это и вправду она? Или вампиры что-то с ней сделали?

«О чём ты думаешь? – голос Шуры прорвался сквозь его мысли. – Она беременна. Её волк, скорее всего, восстанавливается – она не может перевоплощаться в таком состоянии.

Оборотни не перевоплощаются, когда вынашивают детёнышей. Это поставит под угрозу жизнь ребёнка».

Осознание глубоко запало в грудь Зиона, сменив его сомнения на понимание – и ещё более острое чувство неотложности.

«Точно», – Зион наконец вспомнил эту важнейшую деталь. Он был настолько потрясён, обнаружив здесь Принцессу, что его мысли пошли вразброд.

Волчица не ответила на его вопрос. Вместо этого она тихо, самоуничижительно усмехнулась, и её лицо было полно скорби. Зиону показалось, что она насмехается над собой.

И он понял почему.

Королевская Принцесса – прославленная своей силой, своими непревзойдёнными боевыми навыками – доведена до такого состояния. Пленённая, заточённая в тюрьму и теперь беременная в руках врага. Для кого-то столь же гордого и умелого, как она, это, должно быть, ощущалось как величайший позор. Этот пустой смех – это было не веселье. Это была скорбь, стыд и покорность судьбе – всё сразу.

Сердце Зиона сжалось от жалости. Но помимо этого, его охватил леденящий ужас.

«Как, чёрт возьми, я объясню это Альфа-Королю?» – подумал он. Если его вызовут с докладом по этой миссии, как он должен будет объяснить, что наткнулся на пропавшую Принцессу по чистой случайности? У него всё внутри оборвалось. Он был в ужасе.

Но у Зиона не было роскоши стоять на месте – время уходило. Он быстро осмотрел комнату, зная, что нужно действовать быстро. И тут же, словно по команде, Альфа Деймон возобновил запуск взрывчатки в небо. Грохочущий хаос наверху служил своей цели: проредить ряды вампиров и отвлечь их внимание.

Зион воспользовался шумом, под прикрытием взрывов тихо взломав клетку. К счастью, она не была укреплена серебром. Возможно, вампиры были настолько высокомерно уверены в своём превосходстве, что даже не рассматривали возможность, что кто-то зайдёт так далеко или что её вообще спасут. Они даже не удосужились надеть на неё серебряные кандалы.

В этом была своя, извращённая логика. Как серебро было проклятием для оборотней, так оно было токсично и для вампиров. А святая вода? Ещё хуже. Их общая непереносимость определённых веществ означала, что вампиры, скорее всего, вообще избегали их использования – даже на пленниках.

Может, вампирам было просто лень возиться. Судя по состоянию Принцессы, они, вероятно, не думали, что у неё хватит сил или воли для побега. Она выглядела совершенно сломленной, её дух был иссушен. Она даже не отреагировала на появление Зиона с надеждой или облегчением – вместо этого она смотрела на него пустыми глазами, словно уже была уверена, что и он не выберется отсюда живым.

Тем не менее Зион воспринял её молчание и слабую, самоуничижительную усмешку как подтверждение её личности. Поэтому он изменил своё поведение, обращаясь с ней с уважением, подобающим при общении с королевской особой.

Любопытно, однако, что его волк инстинктивно не склонился перед ней, как должен был. Оборотни по своей природе вынуждены подчиняться Альфа-Королю и его наследнику, но здесь – ничего. Зион рассудил, что это, должно быть, потому, что её волк был слишком слаб, чтобы проявиться, – возможно, повреждён из-за длительных пыток. Какова бы ни была причина, он отогнал эту мысль на задворки сознания. Не ему было задаваться этим вопросом. Это дело королевской семьи.

– Итак... могу я узнать, как мне к вам обращаться, Принцесса? – вежливо спросил Зион, его тон был уважительным, но в то же время подчёркнуто отстранённым.

– Клэр... – прохрипела она. Её голос был сиплым, едва слышным шёпотом, а тело выглядело хрупким – измождённым от голода, с бледной кожей, обтягивающей кости.

Грудь Зиона сжалась от жалости. Он быстро вытащил её из клетки, но как только её ноги коснулись земли, стало ясно, что она не может держаться на них. Она пошатнулась, слишком слабая, чтобы стоять, не говоря уже о том, чтобы идти.

У него не было выбора.

Он подумывал понести её на спине, но её раздувшийся живот делал это невозможным. Оставался лишь один вариант – нести её на руках. От одной этой мысли у него всё внутри перевернулось. Его инстинкты кричали, и к горлу подступила желчь, но он с силой прикусил язык и стиснул челюсти.

Подхватив её одной рукой под ягодицы, он осторожно поднял её. Её тонкие руки слабо обвились вокруг его шеи. Её запах тут же ударил ему в нос – слабый, но достаточный. Шура зарычал глубоко внутри него, кипя от едва сдерживаемой ярости. Зион тоже это почувствовал – отвращение, ярость, – но подавил их.

Она была Принцессой. Будущим Альфа-Королём. А детёныш, растущий внутри неё, мог стать будущим всей их расы.

Он понесёт её. Нравится ему это или нет.

Глава 54. Маленькая влюблённость

Зион не переставал напоминать себе, что нужно сохранять терпение. Одной рукой он поддерживал принцессу, а другая оставалась свободной, так что он мог по крайней мере открывать двери или защищаться от внезапных нападений. Но время было на исходе – магия плаща начинала ослабевать, и ему ничего не оставалось, кроме как отступить. Крепко обняв её, он пошёл по своим же следам, быстро и бесшумно двигаясь по замку.

Откуда он знал, что она действительно принцесса?

Всё началось много лет назад, когда он был ещё мальчишкой. Отец привёл его во дворец, и именно тогда он впервые увидел её – маленькую девочку, приковавшую к себе всеобщее внимание. У неё были длинные волнистые золотистые волосы, и когда на них падал солнечный свет, они переливались, словно нити расплавленного золота. Она выглядела почти как ангел. В тот момент Зион узнал, что значит влюбиться.

Он наблюдал, как она играла в дворцовых садах, с такой невинной радостью гоняясь за бабочками, но не пытаясь их поймать, а лишь мягко следуя за ними. И вот их взгляды встретились. Её золотистый взгляд сиял, как звёздный свет, – яркий и тёплый, и впервые в своей юной жизни его сердце забило так сильно, что он подумал, оно вот-вот разорвётся.

Затем она улыбнулась ему, и уголки её глаз сморщились, отчего её пухлые щёчки стали выглядеть ещё очаровательнее. На её фарфорово-белой коже, гладкой и безупречной, как полированный нефрит, расцвёл нежно-розовый румянец. Тот миг врезался в его память – яркий и незабываемый. У него так и не появилось шанса спросить её имя – как только он собрался это сделать, её позвала Королева. Именно тогда он понял... должно быть, она и была принцессой.

Но теперь, увидев её снова, он чувствовал всё иначе.

«Конечно, ты чувствуешь всё иначе», – внезапно прервал воспоминания Зиона Шура. «Тогда ты был просто сопляком, которого привлекла симпатичная мордашка. А теперь? Ты должен быть умнее. Тебя должно тянуть только к нашей предначертанной паре. Всё остальное – лишь отвлекающий манёвр».

Зион раздражённо закатил глаза, но спорить не мог. Шура был прав. И, как ни странно, он почувствовал облегчение. Той искры, того юношеского влечения, что он когда-то испытывал к принцессе, – больше не было. Никакого притяжения. Никакой связи. Лишь далёкое эхо детского воспоминания.

«Что ж, могу лишь сказать, что я верен своей паре», – твёрдо подумал он, но мысль едва успела укорениться, как его разум предал его, снова вернувшись к Аддисон. Опять.

Сколько раз это случалось на этой неделе? Четыре? Может, больше. А самым спокойным сном за последнее время был тот, что был полон ярких снов о том, как он спаривается с Аддисон – дико, бесконечно, словно никакое количество её не могло утолить сжигающий его изнутри голод.

Её тихие всхлипы, то, как она стонала его имя, – всё это преследовало его и в лучшем, и в худшем смысле. Каждый раз, когда он вспоминал её голос, тот сон, тот жар... его тело реагировало прежде, чем он успевал его остановить, и его член вставал.

«Чёрт побери».

«Смотрите-ка, кто тут возбудился», – фыркнул Шура, в его голосе слышалась насмешка. Но в глубине души даже он был взбудоражен. Он ведь тоже не спаривался с Аддисон, и разочарование начинало закипать – особенно во время гона.

Для имеющих пару оборотней-самцов гон был мучительным испытанием, биологическим циклом, предназначенным для повышения шанса оплодотворить свою пару во время сцепки. Он был подобен течке у женщины-волчицы. В это время их инстинкты брали верх – они жаждали, страдали, нуждались.

Цикл мог длиться несколько дней, а иногда и дольше, пока их физические потребности не будут удовлетворены. Обычно он заканчивался, когда узел спадал. Но если этого не происходило, боль становилась невыносимой. Они становились почти одичавшими, отчаянно стремясь добраться до своей пары.

Зион и Аддисон так и не завершили свою связь. Поэтому, когда у него начинался гон, а у неё – течка, что всегда происходило примерно в одно и то же время, им оставалось только страдать. Другие пары волков в этот период становились неразлучны, на несколько дней запираясь друг с другом.

А Зион?

Он мог лишь сворачиваться в агонии, чувствуя, будто каждая клеточка его тела вот-вот взорвётся изнутри.

Тем временем Аддисон приходилось прятаться в глубине леса всякий раз, когда у неё начиналась течка. Её феромоны были всепоглощающими – настолько сильными, что каждого непарного самца в стае тянуло к ней, словно безмозглых зверей, отчаянно желающих ею завладеть.

Чтобы подавить её, она уходила к озеру, расположенному вдали от основных земель, и погружалась в прохладную воду по самую шею. Иногда она даже полностью окунала голову, лишь бы жар не добрался до кожи головы и не спровоцировал её тело ещё сильнее. Это был единственный способ пережить этот цикл, не подвергая опасности никого – и себя в том числе.

Мысли Зиона снова сошли с рельсов, выходя из-под контроля. Одно лишь воспоминание об Аддисоне во время течки пробуждало в нём то, что он не хотел признавать.

Он должен был её ненавидеть – презирать.

А не жаждать её.

Не чувствовать этого... притяжения.

Если он поддастся, всё, что он с таким трудом подавлял, вырвется наружу.

Покачав головой, он заставил себя сосредоточиться, выходя из дворца.

Снаружи уже ждали Грег и остальные. Глаза Грега расширились, когда он увидел женщину на руках Зиона, и он скептически нахмурился. Он немедленно связался с Зионом по ментальной связи. «Альфа Зион, кто это?»

Зион не стал терять времени. «Пропавшая принцесса. Я нашёл её в плену внутри».

Выражение лица Грега мгновенно сменилось – с подозрения на благоговение, – когда до него дошло. Зион видел, как в его голове зашевелились шестерёнки, но оборвал эти мысли.

«Что с воротами?» – спросил он, его голос был резким от нетерпения.

«Они полностью открыты, Альфа Зион. Можем запускать ракетницу», – почти мгновенно ответил Грег.

Зион кивнул, и стоявший сбоку оборотень быстро дёрнул за шнур у основания сигнальной ракеты. Вспыхнула искра, а за ней в небо взмыла вспышка красного света. На краткий миг ракета замерла в воздухе, а затем взорвалась ослепительной вспышкой, видимой всем – и вампирам снаружи, и тем, кто ещё оставался во дворце.

Нельзя было терять ни секунды. Оборотни, подгоняемые спешкой, немедленно перевоплотились в волчью форму и ринулись к теперь уже открытым воротам. Они пронеслись сквозь них, стремясь прорваться во дворец и захватить контроль.

Пока это происходило, Зион и его команда снова тихо выбрались через пролом. Работая сообща, они осторожно вытащили Клэр, поскольку у неё не было сил ползти самостоятельно. Однако, несмотря на свою слабость, она не позволяла никому, кроме Зиона, прикасаться к себе.

Инстинкты Зиона кричали от отвращения и презрения, но он изо всех сил сдерживался – особенно из-за Шуры, чьё разочарование отражало его собственное. Они не могли позволить себе оскорбить королевскую семью, не в таких обстоятельствах.

Поэтому Зион подавил своё недовольство и одарил её терпеливой улыбкой. Его цель была проста: если он будет оставаться сдержанным и мягким, у неё не будет причин жаловаться Альфа-Королю или наказывать его или членов его стаи.

Совершив побег, Зион отвёл Клэр обратно в их лагерь. Он накормил её, так как она отказывалась двигаться или делать что-либо для себя, очевидно, ожидая, что её будут обслуживать. Стиснув зубы, Зион подчинился, подавляя своё раздражение. Но когда он спросил её, кто отец её детёныша, она промолчала.

Зион помнил, что её похитили во время церемонии совершеннолетия – до того, как у неё появилась пара. Так как же она забеременела? Неужели она каким-то образом встретила свою предначертанную пару в плену? Эта мысль не давала ему покоя. В одном он был уверен: крайне маловероятно, что её ребёнок был от вампира.

Глава 55. Решение Зиона

Межвидовое спаривание было редкостью, а беременности – и того реже, и почти всегда заканчивались смертью матери. И всё же Клэр была жива, а её живот уже стал довольно большим. Это исключало большинство неестественных сценариев.

В конце концов, единственным выводом, к которому пришёл Зион, было то, что она, должно быть, при неизвестных обстоятельствах нашла свою предначертанную пару. А что до того, где он сейчас... Зиону не нужно было и спрашивать. Окружавшее её молчание говорило само за себя. Её пара, вероятно, уже был мёртв.

Но поскольку Клэр не носила метки пары и не прошла формального ритуала, детёныш в её утробе по традиции мог считаться лишь бастардом – пятном на королевской родословной. И всё же никто не осмелился бы сказать это вслух.

В ребёнке текла королевская кровь, и одного этого было достаточно, чтобы заставить замолчать любого критика. Что ещё важнее, тот факт, что Клэр похитили вампиры, намекал на нечто большее. Это было не просто случайное похищение – за ним стоял план, и ей отводилась решающая роль.

Если станет известно, что он нашёл и спас принцессу, вампиры могут нанести ответный удар. Кто знает, не пошлют ли они за ними другого высокопоставленного вампира? Зион не мог пойти на такой риск. Теперь у него не было выбора – нужно было срочно придумать план.

В итоге единственным разумным планом было защитить Клэр, притворившись, что она его предначертанная пара, и объявив ребёнка своим. Так у него появится веская причина, чтобы забрать её на свою территорию и защищать, пока за ней не прибудет Королевский Конвой.

К счастью, большинство воинов и Альф всё ещё находились на поле боя, так что лагерь был почти пуст. Это дало ему возможность спрятать Клэр и укрыть её от посторонних глаз.

Приняв решение, Зион приказал Грегу и оставшимся воинам охранять его шатёр, пока Клэр отдыхала внутри. Она мирно спала, не подозревая о хаосе, что всё ещё творился снаружи. Уладив этот вопрос, Зион вернулся на передовую.

Его появление на поле боя переломило ход войны. Сражаясь плечом к плечу с Альфой Деймоном, им удалось одолеть лорда вампиров. Необузданная сила и боевые навыки Шуры проявились во всей красе, повергнув всех в изумление.

Никто из Альф в его возрасте не мог сравниться с силой Зиона, а теперь он уже мог постоять за себя в бою с любым из них. Дай ему ещё немного времени, и он, без сомнения, станет ещё более грозным противником.

Раньше они никогда по-настоящему не замечали его силы или потенциала – Зиона всегда недооценивали и сбрасывали со счетов. Но теперь они в ошеломлённом молчании наблюдали, как он разрывает вампиров, будто те были из бумаги. Его огромная, чёрная как полночь волчья форма, казалось, растворялась в ночных тенях, и лишь светящиеся золотые глаза выдавали его местоположение. Одним взмахом могучих лап он мог разорвать вампиров пополам, а его челюсти с ужасающей лёгкостью ломали шеи.

Беты, что когда-то насмехались над его воинами или недооценивали их, теперь почувствовали, как по спине пробежал холодок. Инстинктивно они образовали вокруг него острое кольцо, и никто не смел подойти слишком близко. Зион, а вернее, Шура в своей волчьей форме, с безжалостной эффективностью с лёгкостью убивал по пять вампиров за раз.

Хоть он и был немного крупнее среднего волка-Альфы, его движения оставались быстрыми и ловкими. Шура был подобен хищнику, созданному для войны: каждый шаг выверен, каждая атака смертоносна. Было ясно, что он преуспел не только в открытом бою, но и в засадах и убийствах.

Когда Лорд Вампиров заметил Зиона в его зверином облике, его взгляд, полный жажды убийства, впился в оборотня. С вершины башни он понял, что Клэр исчезла, и его ярость не знала границ. Вне себя от гнева, он прыгнул вниз, намереваясь схватить Зиона, утащить его высоко в небо и сбросить на верную смерть.

Но Зион предвидел этот шаг. Не позволив застать себя врасплох, он стремительно увернулся в сторону и вцепился мощными челюстями в правое крыло Лорда Вампиров. Яростно тряхнув головой, он намеревался сломать кость в крыле, чтобы лишить Лорда Вампиров возможности летать, пока то не заживёт. Однако Зион недооценил собственную силу – вместо того, чтобы просто сломать кость, он начисто оторвал крыло.

Теперь, когда Лорд Вампиров был приземлён и не мог рассчитывать на полёт, у него не было другого выбора, кроме как сойтись с Зионом в открытом бою. В этот момент Альфа Деймон отдал приказ.

– Защищайте молодого Альфу! Не подпускайте к нему вампиров! – взревел Альфа Деймон.

Как и ожидалось, в тот момент, когда вампиры увидели, что их лорду оторвали крыло, вся их ярость обратилась на Зиона. Они устремили на него взгляды и направили все свои атаки в его сторону. Но эта перемена сыграла на руку оборотням – остальным стало легче расправляться с отвлечёнными вампирами. Зион невольно стал идеальной приманкой.

Несмотря на свою силу, исцеляющие способности Зиона не могли сравниться со способностями Лорда Вампиров. Хотя раны Зиона и были незначительны, они всё же замедляли его, давая Лорду Вампиров драгоценные мгновения на восстановление. Именно тогда в бой вмешался Альфа Деймон. Два Альфы сражались идеально слаженно, по очереди нападая на Лорда Вампиров. Пока один отдыхал, другой дрался, не давая врагу времени на полное исцеление.

Но они всё же недооценили регенеративную мощь Лорда Вампиров. В мгновение ока его оторванное крыло полностью отросло, и он снова взмыл в небо.

Когда вампир начал набирать высоту, Зион внезапно перевоплотился в человека и прыгнул за ним, не давая ему подняться выше.

Лорд Вампиров, находившийся уже почти в пятидесяти метрах над землёй, насмешливо ухмыльнулся. Он предположил, что Зион снова пытается оторвать ему крылья, и когда молодой Альфа сорвался и рухнул на землю, вампир решил, что всё кончено. Он взмыл ещё выше, на высоту ста метров, упиваясь своей мнимой победой.

Внизу Зион, тяжело дыша, с трудом поднялся на ноги. У него была сломана рука и два ребра. Но вместо того, чтобы упасть, он ухмыльнулся и посмотрел вверх на Лорда Вампиров.

Именно в этот момент Лорд Вампиров понял, что что-то не так.

Раздался тихий шипящий звук... запахло горящим фитилём...

Его глаза расширились от ужаса. Он извернулся в воздухе, пытаясь дотянуться до своей спины, – вращаясь, царапая её когтями, – но было уже слишком поздно.

БУМ!

За этим последовал дождь из крови и разбросанных внутренностей, хлынувший с ночного неба в зловещем свете полной луны. К счастью для оборотней, полная луна усиливала их мощь и способность к исцелению, и многие ощутили безмолвное благословение Лунной Богини, что наблюдала за ними.

После того как лорда вампиров разнесло на куски, оставшиеся вампиры издали яростный вопль. Разъярённые, они ринулись на Зиона, направив на него все свои атаки. Но Альфа Деймон прикрыв его, дав Зиону мгновение на передышку.

Полевой медик быстро занялся его ранами, и, исцелившись, Зион вернулся в гущу боя с неослабевающей яростью. Он прорывался сквозь ряды вампиров, словно бушующий зверь – неукротимый и безжалостный. Его жестокая эффективность в бою принесла ему заслуженное признание – он и вправду соответствовал своему прозвищу «Звериный Альфа».

Битва бушевала до самого рассвета, пока они наконец не зачистили весь замок от вампиров. В подвале они обнаружили пленных оборотней – слабых, еле державшихся за жизнь, но всё же живых.

Глава 56: Помогите мне найти её

– Постой... Альфа Зион, ты хочешь сказать, что женщина, которую ты привел, и есть пропавшая принцесса? И ты нам не сказал? – В глазах Гаммы Леви сверкнула сдерживаемая ярость, а голос его звучал напряженно, словно он изо всех сил подавлял желание наброситься на своего Альфу.

И кто мог бы его винить? По его мнению, было за гранью безрассудства – откровенно глупо – хранить столь важную тайну от ключевых членов их стаи, и особенно от его Луны, которая так сильно страдала из-за этого обмана.

Зион видел ярость, кипевшую под спокойной маской Леви. Было ясно, что тот делал всё, что в его силах, чтобы сдержать резкие слова, готовые сорваться с языка, и сдерживался лишь потому, что Зион был его Альфой.

Если бы не это, Леви, вероятно, уже обрушил бы на него шквал ярости, брызжа слюной и перечисляя каждую крупину боли, которую вынесла его Луна – боли, вызванной связью пары с Зионом, и сокрушительным чувством долга жизни перед стаей.

Леви потребовались все силы, чтобы сдержаться, а его волк непрестанно уговаривал его держать гнев в узде. Обычно такое поведение – открытая демонстрация подобного нрава перед Альфой – заслуживало бы сурового наказания, если не немедленной казни, особенно со стороны других Альф.

В большинстве родов с кровью Альфы иерархия была абсолютной, а превыше всего стояла гордость. Если подчиненный, не зная своего места, осмеливался хотя бы повысить голос, его голова могла в тот же миг покатиться по земле. И даже если черту переступала их собственная Луна, её всё равно ждали последствия – суровое, продуманное наказание, чтобы укрепить поддерживаемый ими порядок.

Поэтому было невероятно великодушно со стороны Зиона не карать Леви за его вспышку. И волк Леви слишком хорошо это знал. Среди оборотней именно волки были больше всех одержимы иерархией, и волк Леви практически чувствовал дыхание Шуры у себя на загривке, хотя тот и не проявился в полной мере, чтобы наброситься. Зион держал своего волка на коротком поводке.

– Выпусти меня! Я должен проучить этого пса! – прорычал Шура из глубин сознания Зиона, царапаясь в попытке вырваться на свободу.

Раздражение Зиона вспыхнуло, и он мысленно огрызнулся: «Ты хочешь создать ещё больше проблем прямо сейчас?!»

– Я?! С чего ты ведешь себя так, будто это я заварил всю эту кашу?! – рявкнул Шура, его голос был резким от досады. – Это была твоя блестящая идея, помнишь? Я пытался тебя остановить, я возражал, но ты и слушать не хотел! Нужно было просто отдать ту женщину другим Альфам, и пусть бы они с ней разбирались. Тогда бы ничего из этого не вышло из-под контроля.

Шура беспокойно метался в сознании Зиона, взбудораженный и не находящий себе места. У них до сих пор не было ни единой зацепки о местонахождении Аддисон, и в душе у него поселилась гложущая пустота, словно что-то жизненно важное утекало прямо из сердца. Зион тоже это чувствовал. Эту глухую боль, этот нарастающий страх. Именно это и заставило его сейчас разыскать Леви.

Зион верил, что Леви мог знать, где Аддисон. Но он также понимал, почему Леви мог скрывать её от него. Леви боялся, что Зион лишь снова причинит ей боль, и поэтому Зион заставлял себя сохранять спокойствие. Быть терпеливым.

Чего Зион не осознавал, так это того, что Леви и вправду не знал, где Аддисон – и, возможно, это было к лучшему. Даже если Зион в конце концов потеряет терпение, даже если он

применит к нему приказ Альфы, Леви нечего будет сказать, потому что говорить было просто нечего.

И каким-то извращенным образом Леви испытывал от этого горькое удовлетворение. Хотя раз неустанное преследование его Альфы зайдет в тупик. Может, тогда Зион наконец поймет, через что прошла его Луна – каково это, быть лишенной выбора, когда решения принимают за тебя, и остаться в итоге ни с чем, кроме боли.

– Леви, прошу... помоги мне найти мою пару. Я знаю, что был неправ, и хочу всё исправить. – Голос Зиона звучал искренне, эхом отдаваясь в ушах Леви и заставляя его резко повернуть голову к своему Альфе. Он смотрел на Зиона, казалось, целую вечность, выискивая в выражении его лица хоть малейший след обмана. Но через их связь Леви чувствовал лишь подлинное раскаяние – неприкрытую, ноющую скорбь и искреннее желание загладить вину.

Леви хотелось позлорадствовать, ткнуть Зиона носом в его прошлые ошибки, но, в конце концов, Зион всё равно оставался его Альфой. Как бы он ни злился, он не мог заходить слишком далеко. Поэтому вместо этого он молчал, отказываясь отвечать прямо. Зион понял намёк. Чтобы заручиться поддержкой Леви в поисках Аддисон, потребуется нечто большее, чем просто искренняя мольба. Издав долгий, побежденный вздох, он сменил тему.

– Пока давай оставим это, – сказал Зион, его голос стал более твердым. – Мне нужно, чтобы ты расследовал кое-что другое. Я хочу точно знать, почему Аддисон и принцесса упали с лестницы. Когда я увидел Аддисон... я заметил кровь, которая, как мне кажется, не принадлежала Клэр. Если я прав, Аддисон, возможно, сломала всего лишь несколько костей, но я видел кровь вокруг её тела, и пахла она тоже ею.

– Если только кость не проткнула ей плоть, на что не было похоже, то эта кровь должна была взаться откуда-то ещё, – его взгляд помрачнел. – Я хочу получить полный отчет обо всём, что произошло в мое отсутствие. С того момента, как Аддисон появилась на одном этаже с Клэр, до того, как она упала и её отвели в подzemелье, и до той самой секунды, когда она исчезла. Не упускай ни одной детали.

Хотя Зион не знал в точности, что произошло между Аддисон и Клэр, в одном он был уверен – Гамма Леви сыграл свою роль в побеге Аддисон. Он не мог не сыграть её. Никто другой в стае не признавал Аддисон своей Луной, и это тоже была вина Зиона.

Это он подвел её первым.

И всё же, несмотря на неповиновение Леви, Зион решил поручить расследование именно ему. Это был одновременно и жест искренности, и предложение – негласный шанс для Леви во всем признаться. Сделав это, Зион мог бы оправдать смягчение его наказания. В конце концов, помощь Аддисон в побеге технически являлась предательством, которое могло караться сотней ударов плетью с серебром или даже смертью.

Но Зион не желал смерти Леви. Да и Аддисон этого бы не захотела. Это был единственный способ почтить и её, и ту связь, что когда-то их объединяла. Более того, он хотел, чтобы Леви узнал правду – потому что, как бы сильно Зион ни жаждал ответов, Леви, преданно служивший Аддисон в качестве её Гаммы, заслуживал знать их ничуть не меньше.

Это была единственная милость, которую Зион мог оказать Леви – за его непоколебимую преданность Аддисон, за то, что он защищал её, когда сам Зион этого не сделал. Он не знал, что могло бы случиться, останься Аддисон в том подzemелье. Часть его души боялась, что это могло её убить, и он не хотел заикливаться на этой мысли. Возможно, Леви поступил правильно, помогая ей сбежать. Возможно, это был единственный выход.

Эта неопределенность грызла его, и именно поэтому ему так нужны были ответы. Слишком многое не сходилось. Падение Аддисон, её исчезновение, странная кровь на лестнице... а теперь ещё и Бета Грег бесследно исчез. Зион понятия не имел, о чем думал его бета и почему он так поступил, – и это выбивало его из колеи сильнее, чем он был готов признать.

Глава 57: Альфа Зион начинает подозревать

Выслушав рассказ своего Альфы, Гамма Леви не мог избавиться от растущего подозрения, грызущего его изнутри. Слишком много событий произошло за слишком короткий промежуток времени – куда больше, чем можно было бы списать на простое совпадение.

А по его опыту, когда случалось столько «совпадений», это обычно означало, что в действии приведён некий план. Хотя у него и не было конкретных доказательств, в его голове начала формироваться тревожная теория: возможно, принцесса хотела убрать Аддисон с дороги и могла действовать заодно с Бетой Греггом – а возможно, и с кем-то ещё, – чтобы всё это устроить.

Но подозревать особу королевской крови, не говоря уже о предположении о заговоре с участием члена королевской семьи против других, порочащем её имя, было опасной игрой. Даже обвинение в клевете на Королевскую Семью могли счесть государственной изменой, караемой смертью. Леви знал, что должен действовать с предельной осторожностью – один неверный шаг мог стоить ему всего.

В конце концов, Леви дольше всех был рядом с Аддисон. Он хорошо её знал. Хоть она и была физически слаба, но никогда не была неуклюжей. И будучи сама женщиной, она вряд ли стала бы из ревности совершать безрассудный поступок по отношению к беременной.

И всё же поползли слухи – шёпотки, распускаемые кем-то, преследующим свои цели, – утверждающие, что Аддисон в приступе ревности столкнула принцессу с лестницы, разгневанная тем, что её пара, Альфа, дорожил Клэр больше, чем когда-либо ею.

Но Леви знал, что Аддисон не такая. Она не была мелочной. Она не была жестокой. И самое главное, она была не из тех, кто причинит вред другому, лишь бы облегчить собственную боль.

Если бы Зион действительно больше не хотел быть с Аддисон и выбрал Клэр, Леви достаточно хорошо знал Аддисон, чтобы верить: она ушла бы с остатками гордости. Она бы тихо покинула стаю и начала новую жизнь, вдали от её людей, вдали от боли.

Но всё сложилось иначе. Зион проявлял к Аддисон явный интерес, и, судя по тому, что удалось разузнать Леви, они, похоже, даже перешли последнюю черту и создали пару. Шёпотки среди омег это подтверждали – разговоры о том, как Зион на три дня и три ночи заперся с Аддисон в своём Люксе Альфы, не выходя оттуда.

Леви также вспомнил, что вскоре после прибытия Клэр бывшая Луна – мать Зиона – приставила к ней в услужение нескольких молодых омег. С тех пор эти девушки сблизилась с принцессой, и нетрудно было представить, что одна из них могла подслушать сплетни о Зионе и Аддисон.

Если эта информация дошла до Клэр, она могла спровоцировать нечто большее. Конечно, это были лишь домыслы, но Леви знал, что должен докопаться до истины.

Леви поднялся со стула и почтительно поклонился. – Я начну расследование, как вы и приказали, Альфа Зион.

– Хорошо, – кивнул Зион. – Я займусь Королевским Конвоем, чтобы ты мог полностью сосредоточиться на расследовании. Свяжись со мной по мыслесвязи, как только что-нибудь найдёшь.

Хотя Зион и знал, что его Гамма разочарован в нём, было ясно, что Леви не полностью утратил в него веру. Тот факт, что он всё ещё проявлял элементарное уважение и – что важнее – принял задание без возражений, означал, что между ними всё ещё оставалась ниточка доверия.

Возможно, это была верность, а может, они просто преследовали одну и ту же цель. В любом случае, им нужно было работать вместе, чтобы раскрыть правду. А что до Зиона, у него была ещё одна собственная миссия – найти свою Луну. Свою единственную Луну.

И если он действительно обнаружит, что за всем этим стоит чей-то злой умысел, он позаботится о том, чтобы каждый виновный за это заплатил. Пощады не будет никому. Ему нужна была правда – не только ради справедливости, но и чтобы он мог защитить имя своей Луны, когда его допросит Королевский Конвой.

В конце концов, Клэр тоже упала с лестницы, будучи беременной, и у неё было сильное кровотечение. Это означало, что детёныш, которого она вынашивала, тоже мог пострадать. Как только Королевский Конвой об этом узнает, вся стая может оказаться на краю гибели.

Хуже того, даже если Аддисон и сбежала, Королевская Семья могла отправить охотников, чтобы выследить её, живой или мёртвой. Он не хотел, чтобы всё зашло так далеко.

Когда-то он убедил себя, что ненавидит Аддисон... но не настолько, чтобы желать ей вреда. А теперь, в глубине души, он начинал принимать истину, которой не ожидал: возможно, он никогда по-настоящему её и не ненавидел.

Сделав прерывистый вдох и проведя ладонью по лицу, Зион заставил себя двинуться с места и направился обратно на второй этаж, чтобы проведать Клэр. Прошло уже немало времени с тех пор, как он в последний раз получал вести от доктора или целителя.

Отсутствие новостей могло означать, что её состояние стабилизируется, или же что худшее уже произошло, и они просто думают, как ему об этом сообщить. Эта мысль выбивала из колеи, но он отогнал её.

Как только он подошёл к комнате Клэр, оттуда вышла омега. Заметив его, она тут же заёрзала, её взгляд метался по сторонам, избегая его. Зион прищурился, и его охватило ледяное осознание.

Теперь, когда его разум прояснился – укреплённый решимостью раскрыть правду и защитить Аддисон от преследования, – он начал замечать то, что упустил раньше. Детали, которые ускользнули от него, когда всё его внимание было поглощено видом Клэр, лежащей в луже крови.

Теперь страх за благополучие Аддисон больше не затуманивал его рассудок. Значение имело лишь одно: докопаться до сути происходящего.

В каком-то смысле, хотя боль от разлуки с Аддисон всё ещё терзала его изнутри, Зион осознал несколько суровых истин. Её побег – хоть он и разрывал его на части – возможно, был лучшим способом обеспечить её безопасность, по крайней мере, на данный момент.

Если бы он не смог собрать веские доказательства или предоставить Королевскому Конвою убедительные объяснения, его бы не просто допросили – он мог бы предстать перед Королевским Двором, чтобы понести наказание, предназначенное Аддисон, и его бы обвинили в укрывательстве той, кто причинил вред королевской крови.

Лицо Зиона помрачнело. Он слегка сморщил нос – он не учуял на омеге запаха крови, но внимательно изучал каждое её движение, отмечая суетливость и то, как она избегала его взгляда.

– Как Клэр? – спросил он, его голос был холодным и лишённым эмоций.

– Л-Луна... Клэр теперь вне опасности. Мы только что закончили вытирать с неё кровь, – пролепетала омега, её взгляд метался по сторонам. Лоб девушки блестел от пота, руки нервно теребили край одежды. Зион тут же распознал ложь. Она только что обманула своего Альфу – поступок, который ясно показывал, кому она верна. Она была на стороне Клэр.

Такой предательнице не было места в его стае. Но сейчас было не время для опрометчивых поступков. Ему нужно было выявить и остальных крыс, что прятались в тени. И всё же одно слово засело у него в голове – Луна. Луна? Когда это он успел признать Клэр своей Луной?

Челюсти Зиона сжались, взгляд потемнел. Очевидно, он слишком хорошо сыграл свою роль – даже Клэр, похоже, поверила, что обвела его вокруг пальца. Он стоял молча, подавляя бушующую внутри бурю. Слишком многое происходило на его же территории без его ведома, и теперь он не мог доверять даже тем, кто служил ему и был ближе всех.

Поручить расследование лично Леви было верным решением. Прямо сейчас доверие стало роскошью, которую он больше не мог себе позволить.

Глава 58 План Клэр

Зион сделал шаг вперёд и потянулся к двери, но омега, несмотря на то, что её тело дрожало от страха, быстро преградила ему путь. Она стояла твёрдо, и её голос, хоть и дрожал, был решительным. – Альфа Зион, Луне Клэр нужен покой. Она только что избежала опасности – ей нужно выспаться. Доктор скоро выйдет. Пожалуйста, подождите немного.

То, что какая-то омега посмела остановить его, Альфу, и не пустить в комнату на его же территории, было неслыханно. Такое случилось впервые, и это лишь подпитало растущее подозрение, грызущее Зиона. Он не хотел верить, что Клэр что-то скрывает, или, что ещё хуже, что кто-то из его стаи пытается ей навредить. Но любая из этих возможностей вызывала глубокое беспокойство.

Если кто-то внутри замыслил причинить вред Клэр, это лишь усилило бы давление на его стаю. Преступник мог даже попытаться переложить вину, заявив, что его пропавшая Луна сбежала из-за чувства вины и страха возмездия со стороны королевской семьи.

Но если бы это было так, омега, стоявшая перед ним, уже должна была бы сбежать, предав при этом свою стаю. Однако она выглядела слишком виноватой и напуганной, чтобы набраться смелости предать кого-либо. Это оставляло Зиону лишь один вывод: Клэр уже очнулась. И по какой-то неизвестной причине она не хотела его видеть. Но почему?

У Зиона не было терпения строить догадки – его никогда не было. Не говоря ни слова, он оттолкнул дрожащую омегу в сторону и вошёл в комнату. Внутри Клэр сидела на кровати, а по бокам от неё молча стояли целитель и доктор, опустив головы. Когда они заметили своего Альфу, на их лицах отразились вина, горе и клубок нечитаемых эмоций, но ни один из них не проронил ни слова.

Взгляд Зиона тут же нашёл Клэр. На долю секунды выражение её лица было непроницаемо-пустым – даже холодным. Но в тот миг, когда их взгляды встретились, её самообладание рухнуло. Слёзы навернулись ей на глаза, а затем, без предупреждения, она разрыдалась.

– Зион... мой малыш... – голос Клэр сорвался, когда рыдания вырвались из её дрожащих губ. Она была похожа на сливовое дерево под холодным ветром – хрупкая, прекрасная и до боли жалкая.

Это зрелище могло бы растрогать кого угодно.

Но Зион не чувствовал... ничего.

Ни прилива жалости, ни сжавшегося сердца. Лишь пустая тишина. Тем не менее, он придал своему лицу обеспокоенное выражение, решив подыграть скорбящей принцессе.

– Моего малыша больше нет... – прошептала она таким тихим и сломленным голосом, что он едва достиг его ушей.

– Как это могло случиться? – спросил Зион, его тихий голос был пронизан сдержанным напряжением, когда он обратил вопрос к двоим, стоявшим у кровати. Но вместо ответа они закусали губы и опустили взгляды, явно умалчивая о чём-то, чего не могли – или не хотели – говорить.

Зион молча высвободил свою ауру Альфы, ожидая их покорности. Однако они выдержали давление, предпочтя стерпеть отдачу, но не нарушить обет молчания, которым были связаны.

И тут он понял. Они молчали не из-за верности Клэр. Они приносили клятву верности ему, а не ей. Она могла быть принцессой, но она не была Альфа-Королём – у неё не было власти напрямую им приказывать.

Что могло означать лишь одно: у Клэр была тайна, и она каким-то образом заставила их её хранить. Зион уже мог представить её завуалированные угрозы – возможно, она использовала судьбу стаи в качестве рычага давления.

В прошлом Зион никогда бы не стал так сомневаться в Клэр. Она всегда казалась милой, полной жизни девушкой – ей было легко потакать, легко угождать. Но теперь, когда подозрение грызло его на задворках сознания – и особенно после того, как он услышал, что та омега назвала Клэр своей Луной – Зион не мог игнорировать растущее беспокойство в груди.

Он не был каким-то изнеженным аристократом, неспособным читать между строк. Он сражался на передовой и научился безошибочно читать людей, особенно после того, что случилось с его Бетой.

Конечно, он не был всевидящим – некоторых фрагментов всё ещё не хватало. Но именно поэтому он и послал Леви провести расследование. Потому что, как только сомнение пускало корни в сознании Зиона, он не мог успокоиться, пока не докопается до истины... иначе оно продолжало бы безжалостно терзать его.

Клэр была уверена, что Зион бросится к ней, чтобы утешить её в связи с потерей ребёнка, и, более того, будет снедаем чувством вины. В конце концов, именно его Луна стала причиной смерти её нерождённого детёныша.

По всей логике, Зион должен был быть вне себя от ярости, броситься наказывать Аддисон – возможно, даже казнить её на месте. Он всегда хорошо относился к Клэр и знал, что в ней течёт королевская кровь.

Детёныш, которого она потеряла, был не просто её – он был королевского происхождения. Если Зион не хотел рисковать тем, что вся его стая подвергнется возмездию со стороны королевской семьи, он должен был устроить показательное осуждение поступков Аддисон, наказав её собственными руками, чтобы доказать королевской семье, что случившееся не имеет ничего общего с ценностями его стаи.

Так что, даже если бы она и пальцем не тронула Аддисон после падения, Клэр верила, что исход будет тем же – Аддисон будет страдать, а может, даже умрёт. В конце концов, Клэр уже сделала жестокий выбор – навредить самой себе, зная, что не сможет сохранить ребёнка. Раз уж она собиралась избавиться от ребёнка, чтобы начать всё сначала с Зионом, почему бы заодно не устранить и Аддисон? Таким образом, ничто – и никто – не встанет у неё на пути.

В извращённом сознании Клэр, пока Зион верил, что она королевская принцесса и что Аддисон причинила ей вред, его безжалостная натура и чувство долга по защите стаи заставят его действовать. Он быстро накажет Аддисон, возможно, даже казнит её публично, чтобы успокоить королевскую семью. И одна лишь мысль о гибели Аддисон – о том, как она будет страдать – вызывала в сердце Клэр извращённый трепет.

Как только Аддисон исчезнет с пути, Клэр сможет наконец-то занять место Луны этой стаи. Именно поэтому она намеренно скатилась с лестницы вместе с Аддисон – и не сделала ни малейшей попытки защитить свой живот.

Она позаботилась о том, чтобы её беременный живот принял на себя основной удар. Потому что в её сознании у неё не было другого выбора. Если бы она не поступила безжалостно и не избавилась от ребёнка, который даже не принадлежал Зиону, она боялась, что Аддисон и впрямь сможет завоевать его сердце. А этого она не могла допустить.

В тот момент, когда она услышала, что Зион целыми днями отсиживается в покоях Альфы с Аддисон, даже не выходя оттуда, она поняла – Аддисон нужно убрать. И Клэр знала лишь один способ это сделать: жестокий.

Она научилась у вампиров, которые пытали и унижали её, как прогибаться, как причинять боль и как её переживать. Боль её не пугала. Что приводило её в ужас, так это судьба хуже смерти – остаться покинутой и беспомощной.

К тому же, Аддисон была всего лишь безволчьей Луной – нелюбимой, беспомощной и не представляющей никакой ценности. Все её и так ненавидели. Так что в глазах Клэр, избавление от Аддисон было не только для её собственной выгоды – это была услуга всей стае.

И что самое лучшее? Ей даже не придётся марать руки. Другие сделают это за неё. Бета Грег уже дал понять, что намеревается сделать Клэр новой Луной. Всё, что ей нужно было сделать, – это подыграть его плану. Что до остальной стаи – они её обожали. Даже омеги беспрекословно выполняли её приказы. Всё становилось на свои места.

Глава 59: План Клэр 2

Теперь, когда незаконнорожденного ребенка в ее утробе не стало, ничто не мешало ей быть с Зионом – и на этот раз она выносит его детеныша. Одна лишь эта мысль приводила ее в восторг. Поэтому, когда Зион подошел ближе, Клэр рванулась вперед и бросилась в его объятия.

Мышцы Зиона тут же напряглись, а инстинкты кричали оттолкнуть ее. Не будь она королевской принцессой, ее бы без колебаний отшвырнули через всю комнату.

Но Клэр, не замечая этого или просто не заботясь, прижалась к нему. Она специально потерлась грудью о его торс, позволяя ему ощутить каждый изгиб своего мягкого тела. Всего через несколько часов после потери ребенка она уже думала о том, чтобы зачать нового – очевидно, она не хотела терять времени даром.

Зион твердо положил руки на плечи Клэр и мягко отстранил ее. – Ты только что потеряла ребенка. Твое тело еще слабо – тебе нужно отдохнуть, – сказал он спокойным, но отстраненным тоном. Затем он отступил назад, создавая между ними расстояние, словно человек, отступающий от огня.

В нем не было желания – лишь отвращение. Ее прикосновение не вызывало возбуждения, а заставляло кожу покрываться мурашками, будто по телу ползали муравьи. Каждый волосок встал дыбом от дискомфорта. Но он хорошо это скрывал. Он не мог позволить себе показать свои истинные чувства – не сейчас, не перед королевской принцессой. Поэтому он вел себя любезно.

А чувство вины?

Нет.

Зион совсем не чувствовал вины – да и с чего бы?

Он думал, что ненавидит Аддисон, но теперь, когда у него появилось время поразмыслить здраво, многое не сходилось. Она поддерживала его стаю, никогда ничего не прося взамен, даже зная, что большинство ее не уважали, а некоторые даже ненавидели. И все же она старалась изо всех сил.

Мог ли такой человек действительно навредить невинному детенышу из мести?

Нет, он так не думал.

Если бы Аддисон действительно хотела отомстить, она бы выбрала способ поумнее. Женщина, которой удалось вытащить стаю с грани краха, стабилизировать их, снова сделать самодостаточными, – не была безрассудной.

Столкнуть Клэр с лестницы на глазах у стольких свидетелей, да еще и упасть вместе с ней? Это было не просто жестоко – это было глупо. И Аддисон была кем угодно, но не глупой.

К тому же, он не мог толком это объяснить, но поймал себя на том, что верит Аддисон – доверяет ей – хотя она не сказала ни слова в свою защиту. Если он и чувствовал вину перед кем-то, так это перед ней. Она пострадала, и все же ее бросили в темницу.

И что хуже всего, он не смог защитить ее, когда его Бета ударил ее серебряным кнутом. Он мог лишь представить, какую агонию она пережила – Аддисон, с ее хрупким, безвольным телом, неспособным к исцелению.

Чем больше он думал об этом, тем сильнее в нем закипал гнев. Его кулаки сжались, челюсти стиснулись, а воздух вокруг него стал тяжелым, заряженным невысказанной яростью. Но Клэр все поняла не так. Она думала, что его гнев был из-за нее и что он готов наказать Аддисон от ее имени. В душе она ликовала, уже представляя страдания Аддисон, как только Зион сделает свой ход.

Клэр все еще не знала, что Аддисон уже перенесла порку серебряным кнутом, сбежала, и что на территории стаи произошло так много событий, пока она была без сознания. Когда Бета

Грег приводил наказание в исполнение, Клэр все еще проходила экстренное лечение, чтобы спасти детеныша.

Но когда она пришла в сознание во время процедуры, она стала вести себя несговорчиво. Она отказывалась следовать указаниям врача, намеренно затягивая лечение. Она все это спланировала, пытаясь сделать так, чтобы детеныш не выжил.

В какой-то момент врач начал понимать, что она делает. Вот почему он то и дело бросал на Зиона виноватые взгляды – он считал, что ребенок был от Зиона, будущий альфа стаи. Несмотря на все его усилия спасти ребенка, в конце концов тот не выжил.

К тому же, омега, которая спускалась в темницу с Бетой Грегом, чтобы подстрекать остальных, еще не успела доложить Клэр. Она планировала ввести ее в курс дела, как только все уляжется. Поскольку Клэр официально не была частью стаи, омега не могла использовать ментальную связь, чтобы связаться с ней напрямую.

Как раз когда она собиралась пойти к Клэр, Бета Грег позвал ее обратно убирать темницу, что еще больше ее задержало. Тем временем, после того как Бета Грег сделал объявление по ментальной связи на всю стаю о побеге Аддисон, некоторые омеги, прислуживающие Клэр, начали сопоставлять факты.

Они хотели сообщить ей, когда она очнется, но врач и целитель все еще были с ней, что мешало говорить открыто. Им пришлось ждать, пока врачи уйдут, прежде чем они смогли что-либо доложить.

– Зион, не мог бы ты остаться рядом со мной? Мне было так грустно терять своего детеныша. – Мягкий, бархатный голос Клэр вырвал Зиона из его мыслей и вернул в настоящее. Но как только до него дошел смысл ее слов, его накрыла волна недовольства. Его лицо исказилось – едва сдерживаемый гнев смешивался с нетерпением.

Клэр, все еще поглощенная собственными эмоциями и волнением, не заметила перемены в его поведении. Она думала, что его гнев был из-за нее, и попыталась подойти ближе. Но Зион отступал – снова и снова – пока наконец не повернулся к ней спиной, намереваясь уйти.

Он хотел, чтобы Королевский Конвой как можно скорее увез Клэр обратно в Королевскую Столицу. Это было бы самым простым решением. Но он не мог этого сделать – по крайней мере, пока нет. Не без доказательств невиновности Аддисон. А теперь, когда Клэр действительно потеряла ребенка, ситуация только усложнилась.

Если Королевский Конвой заберет Клэр обратно в столицу в ее нынешнем состоянии, Зион был уверен, что цену заплатит не только Аддисон – его и всю стаю, скорее всего, казнят за халатность и допущение смерти королевского принца. От одной этой мысли у него запульсировало в висках, а за глазами застучала острая мигрень.

И все же он должен был ей сказать.

– Прибыл Королевский Конвой, чтобы забрать тебя обратно, – сказал он ровным голосом, не поворачиваясь к ней.

Он не видел, как глаза Клэр расширились от шока, и как задрожало ее тело. Ее руки дрожали, когда она вцепилась в подол платья, пытаясь унять дрожь.

Она ответила немедленно, ее голос все еще дрожал. Любому, кто слушал, показалось бы, что ее эмоции были связаны исключительно с потерей ребенка и ошеломляющей мыслью о возвращении домой. Но ее следующие слова ошеломили всех.

– Я не поеду с ними. Я не вернусь в Королевскую Столицу! – воскликнула Клэр, не в силах сдерживать эмоции.

Внезапная вспышка застала Зиона врасплох. Он повернулся, чтобы посмотреть на нее, на мгновение застыв от собственного шока. На долю секунды он испугался, что она захочет немедленно уехать и потребовать справедливости у Альфа-Короля.

Но то, что она сказала вместо этого, оставило его в недоумении. Он не знал, чувствовать ли ему облегчение от того, что она не хочет возвращаться, или злиться из-за того, что она хочет еще немного побыть на его территории.

– Почему? – голос Зиона был суровым, его тон – резче, чем он намеревался. От этой резкости сердце Клэр пропустило удар, и ее накрыла волна страха. Как она могла объяснить, что не хочет возвращаться, потому что она не настоящая принцесса? Или что возвращение грозит раскрытием ее истинной личности?

Глава 60. Не смей вернуться

Сейчас её план состоял в том, чтобы сперва стать Луной этой стаи. Как только она этого добьётся, будет уже слишком поздно, даже если Зион позже обнаружит, что она не настоящая принцесса. К тому же, она всегда могла бы заявить, что никогда официально не присваивала себе титул королевской принцессы – это было лишь их предположение, которое привело к недоразумению. Она просто никогда его не исправляла.

Несмотря ни на что, Клэр верила, что сможет выкрутиться из любой ситуации. В конце концов, пока она не ступит и ногой во дворец, ни Зион, ни кто-либо другой никак не узнает, что она – не настоящая королевская принцесса.

С тех пор как принцесса пропала без вести, прошло уже три года. Ну и что с того, что она использовала этот титул за пределами дворца? Никто не станет задавать вопросов, и никто не узнает, что она лжёт.

Насколько было известно, настоящую принцессу уже могли убить вампиры – это объясняло бы годы молчания. Так что, пока та не появится вновь, никто, а особенно Зион, никогда не узнает, была ли Клэр настоящей принцессой или нет.

И если она действительно откажется возвращаться, Альфа-Король не сможет её заставить. Они, скорее всего, решат, что она просто злится – обижена, что никто так и не пришёл её спасти. Как только они узнают, что она стала парой Альфы Полночной Речной Стаи, они могут даже дать своё благословение.

Она всегда сможет отказаться от их визитов или отклонить любой вызов во дворец. Если она правильно разыграет свои карты, к тому времени она может даже забеременеть от Зиона, закрепив за собой место Луны и матери будущего наследника.

Для Клэр это был идеальный план. План, который она вынашивала с того самого момента, как Зион вытащил её из того убогого места и принял за пропавшую принцессу. Для неё это была любовь с первого взгляда, и теперь она была полна решимости. Она хотела Зиона, и никто её не остановит.

– Я... я просто не могла больше смотреть им в глаза. Я была слишком слаба... Я даже не смогла защитить своего детёныша. Для Альфы-Короля это было бы ужасным позором, и я просто... – Голос Клэр дрожал, на глазах выступили слёзы, а её взгляд был прикован к Зиону.

Она отвечала на его вопрос – почему она отказалась возвращаться в Королевский Дворец с конвоем. И как Королевская Принцесса, если она действительно желала остаться, Зион не имел права её прогнать.

Королевская Семья правила всеми землями, и её члены имели право проживать в любой стае по своему выбору, где к ним относились бы с королевским достоинством. Если она заявит, что не вернётся, то это будет окончательное решение. С этого момента её бы почитали как Луну – вторую после самого Альфы – как почётную гостью Полночной Речной Стаи.

Даже Зион не мог придаться к её словам. В конце концов, Королевская Принцесса была известна не своей внешностью, а своей силой. К пятнадцати годам она уже участвовала в патрулировании территорий и разрешала споры, в которых были замешаны изгои.

В шестнадцать лет на её счету появилось первое убийство изгоя, и это её не потрясло. Она считала свои действия оправданными, полагая, что, отняв одну жизнь, она спасает множество невинных. Такой склад ума не был ошибочным. Отчасти поэтому ею одновременно восхищались и боялись её – два важнейших качества для лидера.

Лидер не мог позволить себе быть слишком праведным, иначе его сочли бы слабым или идеалистом. Истинное лидерство требует умения внушать страх в той же мере, что и сочувствие. Между этими двумя качествами должен был быть баланс.

Только сильные имеют право устанавливать правила – и привилегию проявлять сострадание. Слабых просто топчут. Это был главный урок, который Альфа-Король внушил своей дочери. Поэтому, хотя Королевская Принцесса была известна своим состраданием и любима народом, при необходимости она была также сильна и безжалостна.

Именно этот баланс делал её такой харизматичной и уважаемой. Однако, поскольку она была ещё несовершеннолетней, но уже выполняла обязанности, ожидаемые от наследницы, она стала главной мишенью для многих враждебных сил.

Чтобы защитить её, но в то же время позволить ей тренироваться с воинами и свободно патрулировать территорию, Альфа-Король решил сохранить её личность в тайне и не раскрывал её внешность публике до церемонии совершеннолетия.

Теперь, когда Зион слушал объяснения Клэр, они звучали так естественно и правдоподобно. Он мог представить, как сильно такой позор ранил бы гордость и самолюбие принцессы. Признаться родителям, что она потеряла своего детёныша и чуть не погибла от рук безволчьего оборотня – того, кто даже не должен был считаться угрозой, – было бы унижительным ударом не только для неё, но и для всей королевской семьи.

Хуже того, скандал был бы огромным. Она забеременела вдали от дворца – поступок, который и так не одобрялся, – выставя себя безрассудной дикаркой, носящей бастарда. И пострадать от кого-то без волка? Даже Зион не захотел бы возвращаться домой на её место.

Но даже при таком правдоподобном объяснении Зион не мог избавиться от беспокойства, давившего на него, словно он всё ещё что-то упускал.

Что-то просто не сходилось.

Если Клэр действительно была королевской принцессой, обладающей такой грозной силой, как кто-то вроде Аддисон мог так легко столкнуть её с лестницы? Даже если она не могла перевоплощаться в свою волчью форму, её волк и королевская кровь всё равно должны были дать ей повышенную силу и ловкость, чтобы увернуться от толчка Аддисон.

Она должна была, по крайней мере, суметь сопротивляться толчку – или даже поймать руку Аддисон в его момент. Так что же на самом деле произошло в тот день? Этот вопрос с тех пор не давал Зиону покоя.

– Зион... Ты же знаешь, сколько людей равняется на королевскую принцессу. Занимать это положение – одновременно и честь, и проклятие. Один неверный шаг, и начинаются перешёптывания – каждое действие рассматривается под лупой, каждый недостаток препарируется.

– И после того, что со мной случилось... ты действительно думаешь, что меня пощадят? Даже Альфа-Король может счесть меня неудачницей. Ты можешь себе представить, каково это? Думаешь, я смогу вынести ещё один удар после того, как уже потеряла своего детёныша?

– Тот детёныш... был моим якорем. Моей единственной причиной продолжать бороться, когда всё казалось безнадежным. Даже когда те вампиры сломили мой дух, я держалась – ради жизни, что росла во мне. Я пыталась сбежать. Я боролась. Но их было слишком много, а я была одна. Я делала всё, что могла, но думаешь, в королевской столице кому-то будет до этого дело? Они видят только результат. И для них я потерпела неудачу.

Она прерывисто вздохнула. – Поэтому, прежде чем они смогут смотреть на меня свысока, жалеть меня или считать позором, я лучше останусь здесь, на границе. Пусть думают, что меня разжаловали. С этим жить легче, чем видеть разочарование в их глазах.

Но неужели Альфа-Король действительно оставит свою любимую дочь на границе, не пытаясь вернуть её домой или простить? Зион понимал, что в словах Клэр есть смысл – её стыд был глубок, – но он также верил, что, как только обе стороны остынут, всё изменится.

Теперь, когда они знали, что королевская принцесса жива и где она находится, это был лишь вопрос времени. Рано или поздно Клэр смирится с произошедшим, а Альфа-Король наверняка найдёт в себе силы снова принять свою дочь.

Вот что пришло на ум Зиону после того, как он выслушал Клэр.

Глава 61: Расследование Леви

Поскольку Зион не мог выпроводить Клэр, как ни старался, ему ничего не оставалось, как неохотно смириться с тем, что она не собиралась возвращаться, не говоря уже о встрече с королевским конвоем. Она оставила его разбираться со всем в одиночку. Впрочем, в таком раскладе были и свои плюсы. Разбираясь с конвоем самостоятельно, Зион мог контролировать поток информации и выиграть больше времени, чтобы собрать доказательства и очистить имя Аддисон.

Чтобы не выдать себя, Зион разыгрывал человека, оказавшегося в трудной ситуации. Прояви он хоть намёк на энтузиазм или рвение в общении с королевским конвоем, Клэр заподозрила бы неладное. Она могла бы счесть, что он втайне рад её невозвращению, приняв это за знак того, что он хочет, чтобы она осталась рядом с ним.

От одной этой мысли у него по коже побежали мурашки. И всё же он знал, что нужно действовать осторожно. Чрезмерное рвение могло быть легко неверно истолковано, и у Клэр создалось бы впечатление, что он испытывает к ней чувства или рад её затянувшемуся присутствию.

«Почему бы просто не выпроводить её?!» – прорычал Шура в сознании Зиона, и его раздражение закипело под тщательно разыгрываемой маской озабоченности.

«Думаешь, я не хочу? – огрызнулся Зион, его бровь изогнулась, а в голосе заклокотало бешенство. – Она не просто какая-то посторонняя – в ней течёт королевская кровь. А теперь с ней произошёл крупный несчастный случай на нашей территории. Одного этого может хватить, чтобы погубить нас, выставив это как халатность с нашей стороны. Хуже того, вся вина до последней капли ляжет на Аддисон. А её даже здесь нет, чтобы защитить себя. Так кто же ещё остался, чтобы защитить её имя, если не мы? Хочешь, чтобы его втоптали в грязь?»

Шура виновато заскулил и убрался вглубь сознания Зиона, не желая продолжать спор. С тех пор как Аддисон исчезла, его волк стал более вспыльчивым – легко выходил из себя, легко срывался.

Но Зион не мог его винить. Он чувствовал то же самое. Их эмоции подпитывали друг друга, их общее разочарование росло, словно вулкан на грани извержения. Может, дело было в растущем страхе, что Аддисон в итоге станет козлом отпущения за всё это, или в растущей пустоте в сердце, особенно от осознания, что Аддисон отвергла их.

– Хорошо. Тебе стоит сейчас отдохнуть. Я попробую поговорить с Королевским Конвоем, – коротко бросил Зион, после чего развернулся и широким шагом вышел из комнаты.

Клэр удивлённо моргнула. Она ожидала, что он будет выглядеть потрясённым, даже виноватым, и затаит некоторую обиду на Аддисон за то, что та навлекла на него такие неприятности. Вместо этого голос Зиона от начала и до конца оставался спокойным и деловым, без тени сочувствия или гнева. Ни единого слова утешения не сорвалось с его губ.

Клэр впервые почувствовала, что ситуация ускользает из её рук. Она не могла понять, почему всё пошло не так, как она планировала.

Действуя инстинктивно, она протянула руку и схватила Зиона за запястье.

Он застыл на полпути, бросив взгляд сначала на вцепившуюся в него руку, а затем на Клэр, которая опустилась на колени на пол. На её белой ночной рубашке теперь виднелось слабое, но расплзавшееся красное пятно.

В воздухе запахло металлом.

По комнате пронеслись вздохи целительницы и доктора, которые бросились вперёд, их лица побледнели от тревоги.

– Мисс Клэр! – воскликнул доктор, тут же подбегая к ней, чтобы помочь ей подняться. Но Клэр не сдвинулась с места – её широко раскрытые, покрасневшие от слёз глаза были прикованы к Зиону.

– Мисс Клэр, прошу вас, вам нужно отдыхать. У вас только что случился выкидыш – ваше тело ещё слабо, а теперь и раны снова открылись, – убеждал доктор, в его голосе звучала озабоченность. Он взглянул на Зиона, явно не зная, что делать, и понимая, что эта ситуация может поставить Зиона в трудное положение.

Зион почувствовал, как сжались его челюсти. Он и так был раздражён, но если Клэр продолжит эту сцену, всё выйдет из-под контроля и создаст ещё больше проблем. Он вздохнул и наконец посмотрел на неё, по-настоящему посмотрел, пытаясь понять, что она делает или о чём думает. Её хватка на его запястье была крепкой, почти отчаянной, словно отпустить его означало потерять что-то очень важное для неё.

В конце концов, он уступил.

Молча он помог ей вернуться в постель, мягко укладывая её на подушки. Но Клэр всё равно не отпускала его руку. Каждый раз, когда он шевелился или пытался высвободиться, её веки распахивались, и она впивалась в него взглядом, словно боялась, что он исчезнет, как только она их закроет.

И в глубине души она действительно боялась.

Потому что Клэр не могла избавиться от чувства, что если Зион выйдет за эту дверь... она может больше никогда его не увидеть.

После плена у вампиров у Клэр обострилась чувствительность к чужим эмоциям и едва уловимым намёкам. Так что она не была слепа к холоду Зиона – она чувствовала его в каждом взгляде, в каждом невысказанном слове. И она знала причину: Аддисон.

Это осознание глодало её. Клэр боялась, что, как только Зион исчезнет из её поля зрения, он может пойти напрямик к Аддисон. Она даже не хотела представлять, что они могли делать за закрытыми дверями – сплетаться в объятиях, как в тот раз, когда он исчез в своём Люксе Альфы и не выходил оттуда часами, а то и днями.

Это воспоминание – и слух о том, что Зион сделал Аддисон своей парой – наполнили её жгучей смесью ярости и унижения. Одна только эта мысль пробуждала тёмную, кипящую ненависть к женщине, которая забрала то, что, по мнению Клэр, должно было принадлежать ей.

Этот страх цеплялся за неё, иррациональный, но настойчивый: если она позволит ему уйти сейчас, она может потерять его навсегда.

Она надеялась, что этот несчастный случай – этот момент слабости – будет достаточным, чтобы вбить клин между ними. Но она и не подозревала, что это привело к обратному результату. Вместо того чтобы оттолкнуть Зиона от Аддисон, это лишь приблизило его к ней.

Его стремление защищать, его чувство собственности – всё это теперь предназначалось Аддисон. Каждый его шаг, каждый выбор делался уже не ради так называемой «принцессы», которая гостила в его стае... а ради женщины, которая по-настоящему покорила его сердце.

Поскольку Зион не мог уйти, ему ничего не оставалось, как остаться у постели Клэр, неохотно присаживаясь. Он тихо отпустил целительницу и доктора, заметив, какими бледными и измученными они выглядели – им был нужен отдых. Однако он не забыл послать мыслесвязь Леви.

«Леви, присмотри за доктором и целительницей. Дай им выговориться – у меня такое чувство, что они что-то недоговаривают, вероятно, боятся говорить что-либо в присутствии принцессы. Но действуй незаметно. Я не хочу, чтобы Клэр пронюхала об этом».

Ответа не последовало, но Зион знал, что Леви прекрасно его услышал.

Он откинулся на спинку стула и медленно выдохнул, его свободная рука потянулась помассировать переносицу. Напряжение нарастало, давило со всех сторон. Он чувствовал себя

подавленным... и, что хуже всего, пойманным в ловушку, словно его руки были связаны, и каждый шаг имел последствия.

Леви же, с другой стороны, был на грани того, чтобы проклясть собственного Альфу.

Почему? Потому что его расследование привело его прямиком в темницу, только для того, чтобы обнаружить там мёртвую омегу. Ту самую омегу, которая должна была стать его ключевой свидетельницей. И кто её убил? Их чёртов Альфа. И кого ему теперь допрашивать о том, что на самом деле произошло на лестнице?

Причина, по которой Леви искал именно эту омегу, заключалась в том, что, по словам других омег, она была единственной, кто видел всё от начала до конца. Во время инцидента она находилась ближе всех к принцессе.

И они не лгали.

Глава 62. Сделано нарочно?

Когда Клэр упала с лестницы, эта омега выступила вперед, словно защищая остальных. Все произошло так быстро, что другие омеги не разглядели, как именно Клэр и Аддисон скатились вниз.

Все, что они запомнили, – это леденящий душу крик ныне покойной омеги, вопившей, что «Аддисон толкнула Клэр», а затем – хаос. От последовавшего шока у них в головах все помутилось.

Более того, эта омега была приближенной Клэр и ее самой доверенной прислужницей. В конце концов, омеги давно соперничали за благосклонность Клэр, и каждая надеялась стать ее наперсницей.

Избрание обеспечивало важное положение в стае, а кто бы такого не пожелал? Клэр была королевской принцессой, и даже если ее истинное происхождение не было известно, одной лишь мысли о том, что она станет будущей Луной, было достаточно. Завоевать ее благосклонность означало не только обрести влияние, но и обеспечить себе более комфортное и привилегированное существование в иерархии стаи.

Что еще важнее, эта же омега получила прямой приказ от Беты Грегa убраться в подземелье, а значит, она, скорее всего, знала о его кознях. Теперь, когда Бета Грег сбежал, она стала ключевой фигурой в раскрытии правды.

Судя по тому, что ему удалось выяснить, именно эта омега подстрекала толпу, распространяя слух, будто Аддисон толкнула Клэр, и сея страх намеками, что вся стая может оказаться в опасности. Она даже утверждала, что Зиона могут казнить за халатность, допущенную в отношении Клэр.

Поначалу остальные отреагировали гневом, поскольку смотрели на Аддисон свысока и почитали Клэр как свою будущую Луну. Но, похоже, эта омега намеренно сливала преувеличенную или ложную информацию, выставляя Клэр настолько важной особой, что любой вред, причиненный ей, повлечет за собой серьезные последствия, что еще больше разжигало негодование членов стаи.

Но их знания были ограничены, и, похоже, эта мертвая омега была ключом ко всем их вопросам без ответов. Теперь, когда омега мертва, а Грегa нигде не найти, Леви оказался в досадном тупике.

Ключевой свидетель исчез, а главный зачинщик сбежал – что ему теперь было делать? Когда он почувствовал, что его Альфа пытается с ним связаться, Леви не смог заставить себя ответить. Он не мог предстать перед ним, не сейчас, когда его снедала досада из-за того, что он случайно убил единственного человека, который мог бы помочь распутать правду.

Бессознательно Леви начал срывать свое раздражение на Зионе, используя его как выход для своего растущего гнева. Зион, возможно, из понимания преданности Леви к Аддисон, позволял это. Со временем страх Леви перед Зионом угас, и на его место пришла смелость – он стал резче в словах и дерзче в тоне.

Наконец успокоившись, Леви связался с Зионом по мыслесвязи. К тому времени Зион уже вернулся в свой Люкс Альфы и сидел в тишине, а далекие воспоминания затуманили его взор. Даже Шура, чувствуя настроение своего Альфы, вел себя необычайно тихо, свернувшись калачиком в углу, словно боясь его потревожить.

– Альфа Зион... нам нужно поговорить. Мне кажется, – сказал Леви, и в его голосе, прозвучавшем по мыслесвязи, слышалась нотка беспомощности.

– Хорошо, – ответил Зион пугающе спокойным тоном. – Поднимайся в мой люкс. Поговорим здесь.

Леви, не зная, как продолжить разговор со своим Альфой, на этом и остановился и направился к Люксу Альфы. По пути он не забыл заглянуть в небольшую клинику, примыкающую к дому стаи, где находились назначенные врач и целительница.

В отличие от главного госпиталя стаи, эта клиника была построена специально для быстрого реагирования, особенно на случай, если заболит кто-то из ближайшей семьи Альфы. Следуя прямому приказу своего Альфы, Леви направился туда с намерением поговорить с ними.

Однако, подойдя к двери, он замер. Те двое внутри были так увлечены разговором, что не слышали его приближающихся шагов. Леви уже собирался постучать, но остановился, когда до него донеслись обрывки их беседы – слова, заставившие его замереть и прислушаться.

– Старый Доктор, вы действительно верите, что Мисс Клэр сделала это нарочно? – тихо спросила целительница, перебирая травы. Ее лицо было омрачено сомнением и грустью. Она все еще не могла осознать случившееся.

Будучи одной из тех, кто доверял Аддисон, она не могла поверить, что та способна столкнуться кого-то с лестницы из ревности.

Слухи уже распространялись по стае как лесной пожар – шепотки, клеймившие Аддисон как злобную, ревнивую и настолько порочную, что она способна навредить даже нерожденному ребенку. Для многих она уже была виновна. Казалось, никто не был заинтересован в том, чтобы поверить в ее невиновность.

Казалось, стая не хотела вспоминать все, что она сделала для них за последние три года. Аддисон молча работала на износ, никогда не хвастаясь и не требуя признания. Она рассматривала свою роль как долг благодарности бывшему Альфе, который когда-то спас ее.

Говорить о своем вкладе казалось ей неискренним, сродни хвастовству. Но в своем молчании она стала невидимой. Стая принимала ее как должное. Их прохладное первое впечатление о ней со временем лишь ухудшилось, особенно потому, что за неуважение к ней никогда не было никаких последствий. Никто за нее не заступался – ни ее пара, и уж тем более не ее свекровь, бывшая Луна.

Теперь, когда ложь передавалась из уст в уста, все слишком легко в нее верили. И, как и любые слухи, чем больше они распространялись, тем сильнее искажалась история, превращая Аддисон в бессердечную злодейку, а Клэр выставляя безупречной святой. Но то, что сейчас тихо обсуждали врач и целительница, было полной противоположностью распространяемой истории.

Старый Доктор медленно затянулся своей трубкой, его взгляд устремился к потолку. Он был намного старше целительницы, и жизненного опыта у него было на десятки лет больше. Именно поэтому он первым почувствовал неладное.

Когда целительница сама начала во всем сомневаться, он вмешался – не только чтобы подтвердить ее сомнения, но и чтобы защитить ее. Она была единственной целительницей в их стае, и если бы с ней что-то случилось, их народ бы пострадал.

Некоторые травмы выходили за рамки того, что могли исправить базовые медицинские знания. Дар целительницы был жизненно важен, особенно для детей, которые еще не пробудили своих волков и были более уязвимы к болезням. Для этих малышей обычного лечения часто было недостаточно.

...

Несколькими часами ранее, после несчастного случая с Клэр.

– Быстрее! Займитесь ею! Сделайте так, чтобы ни с ней, ни с детенышем ничего не случилось! – яростный голос Зиона прогремел по коридору прямо у комнаты Клэр, эхом отдаваясь в ушах старого доктора, когда тот спешил обратно в комнату.

Он только что вышел, чтобы сообщить новости, предупредив Зиона, что состояние Клэр критическое и они рискуют потерять детеныша. По правде говоря, доктор сказал это больше

для того, чтобы выиграть время и побудить Зиюна успокоить Клэр, потому что ее эмоциональное состояние только все усугубляло.

Сначала Клэр отчаянно плакала, умоляя спасти ее нерожденное дитя. Но вскоре после этого она перестала слушать указания, все глубже погружаясь в панику. Доктор был на пределе, особенно когда рядом не было никого, кто мог бы помочь – целительницы не было и в помине, и лишь его стареющие руки пытались спасти и мать, и дитя.

Глава 63: Интриги в тени

Он уже дважды связывался с Зионом, тонко намекая, что ситуация выходит из-под контроля. Но Зион и слышать не хотел о неудаче.

– Пожалуйста, доктор... спасите моего детеныша... моего детеныша... – хныкала Клэр, ее голос был едва слышен, пока она то приходила в себя, то снова теряла сознание. Кровь продолжала стекать по ее ногам после падения, и хотя ее волк должен был уже начать исцеление, раны оказались слишком глубоки. Эмоциональное потрясение лишь усугубляло нестабильное состояние детеныша, и доктор боялся, что если так пойдет и дальше, он потеряет их обоих.

– Не волнуйтесь, мисс Клэр. Я сделаю все возможное, чтобы спасти и вас, и ребенка, – спокойно произнес доктор, хотя напряжение тяжким грузом давило ему на плечи, когда он вместе с ассистентом приступил к работе.

После нескольких часов изнурительной работы, следуя строгим приказам Альфы, он сделал все, что мог, с теми ограниченными средствами, что были у него под рукой. В отчаянии он в конце концов отправил своего ассистента за травмами. Именно тогда ассистент и столкнулся с целительницей, которая только что вернулась из больницы стаи, где потеряла сознание от напряжения, исцеляя Аддисон.

Пока ассистент спешил прочь, целительница тихо вошла и заняла его место рядом со старым доктором. Доктор поднял на нее глаза, словно только что обрел спасательный круг. Его безмолвная мольба была ясна: «Помоги мне спасти этого ребенка».

Но в тот миг, когда появилась целительница, поведение Клэр резко изменилось. Ее паника словно удвоилась. Плач сменился отчаянными мольбами, и она начала метаться на кровати, крича, что боль невыносима. Каждое ее движение больше походило на попытку избежать прикосновения целительницы, чем на искреннюю реакцию на травмы.

Целительница попыталась направить свою исцеляющую силу в утробу Клэр, чтобы стабилизировать состояние детеныша, но та продолжала ее отталкивать – то ли намеренно, то ли под предлогом боли. Становилось все более очевидно, что что-то не так – кто-то не хотел, чтобы этот ребенок выжил.

По иронии судьбы, детеныш в утробе Клэр боролся за жизнь упорнее, чем кто-либо другой в комнате. Крепкий и выносливый, он цеплялся за жизнь, несмотря на окружающий его хаос, даже когда его собственная мать, казалось, была полна решимости сопротивляться тем самым усилиям, что были призваны его спасти. Доктор и целительница обменялись мрачными взглядами – спасти ребенка было не невозможно, но только не в том случае, если Клэр будет бороться с ними на каждом шагу.

Клэр чуть не перевоплотилась в волчью форму, когда целительница продолжила направлять энергию в ее утробу.

Но больше всего доктора и целительницу беспокоило то, что кровотечение у Клэр не останавливалось, словно ее волчица не выполняла свою работу – не исцеляла хозяйку и не защищала ребенка. Но на самом деле волчица Клэр страдала. Она безостановочно скулила, а ее материнские инстинкты в отчаянии кричали о спасении детеныша. Волчица хотела действовать, исцелять, защищать – но Клэр подавляла ее.

Она позволяла целительной силе своей волчицы действовать лишь в минимальной степени – ровно настолько, чтобы не истечь кровью до смерти. Достаточно, чтобы выжить, но недостаточно, чтобы стабилизировать состояние детеныша. Это был осознанный выбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.